

их индивидуальных потребностей предоставляются определенные виды социальных услуг (п. 3). Безусловно, что это также подчеркивает межотраслевую природу субинститута пробации.

Таким образом, обращение к юридической природе субинститута пробации демонстрирует перспективные направления дальнейшего научного анализа его нормативной организованности и показывает резервы для последующего усиления правового воздействия на отдельные стороны пробационных общественных отношений, включая проведение социальной и воспитательной работы с лицами, отбывающими принудительные работы или лишение свободы.

Маркунцов Сергей Александрович,

доктор юридических наук, доцент, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Противоречия современной российской уголовно-правовой политики противодействия коррупции

Как известно, наряду с термином «коррупционные преступления» в различных правовых актах используется термин «преступления коррупционной направленности». В частности, первый из них употребляется, например, в статье 4 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в указе Президента Российской Федерации от 6 июня 2019 года № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года», в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и др. Вместе с тем легально не закреплены ни понятия, ни точный перечень коррупционных преступлений. Исходя из позиции, отраженной в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24, следует также заметить, что высшая судебная инстанция озабочена указанной неопределенностью и также выступает за единообразное применение антикоррупционного законодательства.

Системный анализ отдельных нормативных и подзаконных актов, регламентирующих вопросы противодействия коррупции, позволяет говорить о том, что перечень коррупционных преступлений включает так называемые «основные преступления коррупционной направленности», относящиеся к таковым под «условием», либо «способствующие» существованию и распространению коррупции. Более того, согласно приложению № 23 указания Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 года в рассматриваемую группу могут быть включены и деяния, вовсе не отнесенные к преступлениям коррупционной направленности¹.

Второй термин также встречается в ряде официальных источников².

Так, в рамках пункта 1 приложения № 23 к указанию Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 года предпринимается попытка дать понятие преступлений коррупционной направленности через перечисление их признаков. Исходя из общепризнанного подхода, преступления коррупционной направленности характеризуются *следующими признаками*: 1) наличие *надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния*; 2) *связь деяния со служебным положением субъекта*; 3) обязательное наличие у субъекта *корыстного мотива*; 4) совершение преступления только с *прямым умыслом* (курсив наш. — С. М.). Очевидно, что указанные «признаки» отнюдь не являются признаками данных преступных деяний (исходя из классического набора признаков преступления). Указанные «признаки» будут характерными для всех составов соответствующих преступлений, если давать им более узкую трактовку, что предлагается некоторыми авторами в

¹ Маркунцов С. А. Глава 5. Подходы к пониманию коррупционных преступлений, преступлений коррупционной направленности и преступлений в сфере антикоррупционного комплаенса и определению их системы // Гармаев Ю. П., Иванов Э. А., Маркунцов С. А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: монография. Москва: ИД Юриспруденция, 2020. С. 124.

² См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400, Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 года № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы», указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 года «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» и др.

доктрине уголовного права¹. Справедливости ради отметим, что в абзац 2 пункта 1 приложения № 23 вышеназванного Указания закреплено положение о том, что к коррупционным преступлениям относятся и те противоправные деяния, которые определены *ратифицированными Российской Федерацией международно-правовыми актами и национальным законодательством...*² (курсив наш. — С. М.).

Первое противоречие современной российской уголовно-правовой политики противодействия коррупции — понятийно-терминологическое — проявляется даже на прикладном уровне. Так, в соответствии с подпунктом 13 пункта 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³, «предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности» обозначено в качестве одной из задач в контексте достижения цели обеспечения государственной и общественной безопасности, а согласно подпункту 33 пункта 27 Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года⁴, «разработку форм статистической отчетности по коррупционным преступлениям (курсив наш. — С. М.) в сфере здравоохранения и ее введение» провозглашено составной частью системы здравоохранения в Российской Федерации. Выходит, что на уровне национальной безопасности государство противодействует преступлениям коррупционной направленности, а в системе здравоохранения разрабатывает формы по учету коррупционных преступлений.

В доктрине предлагаются различные подходы в части соотношения понятий «коррупционные преступления» и «преступления коррупционной направленности». Справедливости ради отметим, что в последние два года наблюдается тенденция использования законодателем последнего из них. В то же время укажем на стремление к терминологическому единообразию, которое не прослеживается на законодательном уровне.

Следующие противоречия современной российской уголовно-правовой политики противодействия коррупции связаны с ее непосредственным содержанием в контексте ее реализации посредством применения таких базовых методов, как криминализация и пенализация.

О криминализации. За 25 лет действия УК РФ его Особенная часть пополнилась 128 новыми статьями, увеличившись ровно на 50 %, тогда как исключено из нее было только 11 статей⁵. При этом только в период с 2016 по 2022 год в УК РФ были введены 14 (более 10 % от всех) новых статей⁶, устанавливающих ответственность за преступления коррупционной направленности (пять из которых относятся к числу основных, то есть относящихся к таковым без дополнительных условий) в их современном понимании. Так, в 2016 году появились статьи 204¹, 204², 291² УК РФ, в 2017 году Особенная часть приросла статьями 201¹ и 285⁴ УК РФ, в 2018 году УК РФ дополнен статьями 200⁴, 200⁵, 200⁶, в 2019 году появилась статья 210¹, а в 2020 — статья 200⁷. Богатым на дополнение УК РФ антикоррупционными нормами стал 2022 год, расширивший анализируемый перечень за счет статей 201², 201³, 285⁵ и 285⁶.

¹ Так, например, по мнению Л. Л. Блашковой, преступлениями коррупционной направленности следует признавать запрещенное уголовным законом деяние, посягающее на служебные отношения в любой сфере жизнедеятельности общества, совершаемое должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации и использующее служебное положение при умышленном совершении противоправного деяния в целях получения им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц. См.: Блашкова Л. Л. Состояние и направления совершенствования уголовно-правового реагирования на преступления коррупционной направленности: дис. ... канд. юрид. наук. Ханты-Мансийск, 2023. С. 10–11.

² О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19 июня 2023 года. Документ официально опубликован не был.

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ч. II, ст. 5351.

⁴ О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента Российской Федерации от 6 июня 2019 года № 254 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 23, ст. 2927.

⁵ Маркунцов С. А. Новеллизация российского уголовного закона: цифры и факты (к 25-летию с начала действия Уголовного кодекса Российской Федерации): монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ИД «Юриспруденция», 2022. С. 121.

⁶ Единственной статьей, в которой было закреплено новое преступление коррупционной направленности ранее обозначенного периода стала статья 291.1 «Посредничество во взяточничестве» УК РФ, введенная в соответствии с Федеральным законом от 4 мая 2011 года № 97-ФЗ.

Исходя из того, что указанные статьи были введены практически через 8 лет с момента принятия Федерального закона «О противодействии коррупции», неоднозначно следует высказаться о социальной потребности в указанной криминализации.

О пенализации. В течение довольно значительного периода формировался дифференцированный подход к оценке общественной опасности таких «зеркальных» преступлений коррупционной направленности, как взяточничество (ст. 290, 291 УК РФ), с одной стороны, и, коммерческий подкуп, с другой.

Сравнение первоначальных редакции статей, предусматривающих ответственность за квалифицированные составы получения и дачи взятки, позволяет констатировать, что максимально возможное наказание в виде лишения свободы составляло 12 и 8 лет, соответственно. При этом в части незаконных получения и передачи коммерческого подкупа аналогичное наказание предусматривалось в размере 5 и 4 лет лишения свободы, соответственно. Указанное сравнение позволяет говорить о существенном (более чем в 2 раза) различии в возможном наказании в виде лишения свободы за соответствующие «зеркальные» составы¹.

Отдельные проанализированные противоречия современной российской уголовно-правовой политики противодействия коррупции наглядно иллюстрируют ее непоследовательность и бессистемность. Это особенно очевидно в контексте увеличения количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в 2021 году по сравнению с 2020 годом на 13,8 % за счет роста преступлений, связанных со взяточничеством (на 27,8 %)². При этом статистика зарегистрированных преступлений коррупционной направленности 2022 и 2023 годов лишь подтвердила наметившуюся тенденцию.

Ильин Игорь Вячеславович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России;

Одиноква Анастасия Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Основные направления виктимологической профилактики преступлений, связанных со злоупотреблением полномочиями исполнительным органом общества с ограниченной ответственностью

Корпоративное юридическое лицо является субъектом хозяйственных правоотношений, с одной стороны, обычно создаваемым для объединения имущественных, интеллектуальных, организационных ресурсов, с другой стороны, представляющим сообщество лиц, нередко преследующих конфликтные интересы.

Анализ внутренней структуры общества с ограниченной ответственностью позволяет позиционировать его как сплав интересов субъектов, имеющих разное отношение к данному юридическому лицу.

К числу таких субъектов относятся, например, органы управления юридического лица трех уровней, от общего собрания участников корпорации до исполнительного органа как коллегиального, так и единоличного, в качестве которых может выступать управляющая организация.

¹ Подробнее см.: Маркунцов С. А. Глава 3. Уголовное право и криминология в контексте предупреждения совершения преступлений в сфере антикоррупционного комплаенса и противодействия коррупции // Гармаев Ю. П., Иванов Э. А., Маркунцов С. А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: монография. Москва: ИД Юриспруденция, 2020. С. 88–89. Аналогичная тенденция продолжилась и в связи с принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции». См.: там же. С. 89.

² Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года. Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/> (дата обращения: 01.12.2023).